

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Фрай, Макс

Ф82 Сказки старого Вильнюса / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Макс Фрай. Лучшие книги (илл. Закис)).

ISBN 978-5-17-137038-1

В Старом Городе Вильнюса 108 улиц, и на каждой что-нибудь да происходит. Здесь бродят пингвины, единороги, нарисованные коты и тени наших мертвых друзей, полиция всегда готова защитить граждан от страшных снов, неведомые голоса дают ответы на самые важные вопросы, скучные с виду старики носят в портфелях драконов, время легко поворачивается вспять, ветер рассказывает удивительные истории, а местные божества играют в нарды, сделав ставкой погоду на ближайшие полчаса.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137038-1

© Макс Фрай, текст
© Ольга Закис, обложка
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Улица Ашмянос (Ašmenos g.)	
На сдачу	7
Улица Басанавичяус (J. Basanavičiaus g.)	
Шесть комнат	15
Улица Беатричес (Beatričės g.)	
Белый человек	39
Улица Вису Швентую (Visų šventųjų g.)	
Все святые	53
Улица Вокечю (Vokiečių g.)	
До луны и обратно	65
Улица Гаоно (Gaono g.)	
Спящие полицейские	80
Проспект Гедиминаса (Gedimino pr.)	
Совершенно черный кот	89
Улица Даукшос (M. Daukšos g.)	
Черные и красные, желтые и синие	97
Улица Диджои (Didžioji g.)	
Испорченный телефон	107
Улица Жемайтийос (Žemaitijos g.)	
Начальный уровень	120

Улица Калинауско (K. Kalinausko g.)	
Ну, например	128
Улица Кранто (Krantò g.)	
Сделай сам	139
Улица Кривю (Kriviuç g.)	
Халва в шоколаде	153
Улица Лапу (Lapu g.)	
Много прекрасных дорог	177
Улица Латако (Latako g.)	
...вымышленных существ	188
Улица Пилес (Pilies g.)	
Пингвин и Единорог	196
Улица Пилимо (Pylimo g.)	
Полиция города Вильнюса	201
Улица Руднинку (Rūdninku g.)	
Ловец снов	215
Улица Стиклю (Stikliu g.)	
Карлсон, который	227
Улица Траку (Traku g.)	
Солнечный Кофе	258
Улица Ужупё (Užupio g.)	
Мартовские игры	278
Улица Чюрлёнё (M. Čurlionio g.)	
Чертов перец	283
Улица Швенто Игното (Šv. Ignoto g.)	
Четыре слога	297
Улица Швенто Йоно (Šv. Jono g.)	
Фонарщик	307

— ... **И** еще акрил в больших банках, — говорит нена-
сытный Тони, — да-да, все цвета, кроме кра-
плака. И кисти. Нет, не эти, а вон те. Первый,
второй, третий и нулевку. И, может быть... да, вот такой
мастихин. И еще такой. А это у нас что вон на той полке?..

Пока мы пакуем добычу в рюкзаки, маленькая
седая продавщица суетливо роется в кассе, как птица
в кормушке, ищет там сдачу с Тониной двухсотлито-
вой купюры.

— Мелочи совсем нет, — наконец вздыхает она. —
Может быть, возьмете на сдачу?

Кладет на прилавок коробку с цветными мелками.
Не пастельными, не восковыми даже, а обычными, кото-
рые только и годятся на школьной доске рисовать.
И, конечно, на асфальте.

Мне не до мелков, я пытаюсь застегнуть рюкзак,
а Тони рассеянно сует коробку в карман. Продавщица,
убедившись, что проблема со сдачей улажена, расплы-
вается в улыбке.

— Вот и хорошо, — говорит она нам вслед. — Детям
подарите, пусть рисуют.

Ни у Тони, ни у меня нет детей. Но эту информацию мы оставляем при себе, чтобы не разочаровывать маленькую седую птичку.

За порогом сияют целых два солнца — небесное и его отражение в серебристо-синей луже, разлившейся на всю проезжую часть. И дует ветер, по-весеннему теплый и такой сильный, что мы сразу же оставляем попытки самостоятельно выбрать дальнейший маршрут и разворачиваемся так, чтобы он дул нам в спину.

— Солнечный ветер, — говорит Тони. И щурится, как довольный кот.

Мы сворачиваем за угол, на улицу Ашмянос, а там, гляди-ка, почти никакого ветра. И мы, конечно, сразу же вспоминаем, что давным-давно хотели покурить. Еще до того, как зашли в лавку. А уж теперь-то как хотим, слов нет.

Тони возится с машинкой для набивки сигарет и трепетными пустыми гильзами, а я слоняюсь вокруг, всем своим видом изображая моральную поддержку. И, конечно, глазею по сторонам, по старой привычке кадрирую окружающий мир — клац, клац, клац.

— Смотри, — говорю, принимая из Тониных рук сигарету, — кому-то явно не дали поиграть в «классики».

— Дорисовать — и то не дали, — кивает он.

Тротуар и правда расчерчен на квадраты, а вписать в них соответствующие цифры неведомый художник уже не успел. То ли обедать позвали, то ли просто дали по ушам за порчу общественного асфальта.

Зато нам, счастливым великовозрастным дуракам, закон не писан. Нас уже давно никто не зовет обедать. И по ушам нам не очень-то надаешь, до них сперва еще поди допрыгни.

Опьянев от внезапно (лет тридцать назад) наступившей и все еще восхитительной вседозволенности, солнечного ветра, табачного дыма и тяжести набитого красками рюкзака, я вытаскиваю из Тониного кармана коробку с мелками, сажусь на корточки возле первой клетки, намереваясь написать там большую цифру 1. Ярко-синюю, как небо в лужах под нашими ногами, или желтую, как веселое весеннее солнце, или зеленую, как будущая, невидимая пока листва, или красную, как Тонина старая куртка. Но, взяв в руки мелок, тут же забываю о первоначальном замысле и зачем-то закрашиваю синим всю клетку. Не удовлетворившись достигнутым, вытряхиваю из коробки остальные мелки и начинаю рисовать рыб. Потому что синяя клетка — это, конечно же, море. Судя по яркой окраске рыб, Красное. Например. Впрочем, несколько минут спустя, рыбы мои принимают очертания столь причудливые, что море теперь явно придется передать в дар инопланетянам. Пусть они с этими рыбами договариваются о совместном существовании. Потому что человечество в моем лице — пас.

— Ух ты, — говорит Тони.

Он уже выбросил докуренную сигарету и рвется в бой. Ему только повод дай.

Вторую клетку Тони уверенно штрихует зеленым и синим, и мне заранее ясно, что это будет Венеция,

на которой он совершенно помешан, вот и разноцветные дома поднимаются из воды, но вместо гондол и моторных лодок пейзаж внезапно заполняется крылатыми существами, похожими одновременно на людей и на лис.

— Матерь божья, это кто такие? — изумленно спрашиваю я. Тони смеется:

— Понятия не имею. Сами пришли и захотели быть. Мое дело маленькое.

— Ладно, пусть тогда мои рыбы живут в их воде, — говорю я. — Они, по-моему, друг другу подходят.

— Вполне, — соглашается Тони, переставляя коробку с мелками так, чтобы мне тоже было удобно их брать.

Третью и четвертую клетки мы разрисовываем одновременно, можно сказать, наперегонки. Тони, конечно, выходит победителем — все-таки профессионал. Поднимается, разгибает спину, потягивается, с явным удовольствием разглядывает результат.

— Ух ты! А у тебя это что? — спрашивает он.

— Наверное, карта города, — неуверенно говорю я, откладывая в сторону фиолетовый мелок. — Ну точно, карта. Такая, знаешь, схема маршрутов для туристов. Ее каждый день рисуют на городской стене. А ночью идет дождь и смывает рисунок. Поэтому по утрам приходит дежурный художник и рисует новую карту. Он, конечно, не очень-то помнит, что было на вчерашнем рисунке, да и не старается вспомнить, а просто чертит, как бог на душу положит. Но туристы все равно могут ею пользоваться: пока художник

рисует новую карту, город меняется в полном соответствии с ней.

— Тогда художников должно быть двое, — говорит Тони. — Во-первых, нельзя человеку работать без выходов. А во-вторых, так еще больше перемен и путаницы. И все довольны.

Его картинка в четвертой клетке полностью соответствует этому утверждению. На ней два чрезвычайно довольных крылатых человека-лиса, немного — насколько это возможно с их лисьми мордами — похожие на нас, парят над своим городом-озером с большими красными кружками в руках.

— Они наверняка пьют кофе, — говорю я.

— Конечно. Как бы ты ни выглядел и где бы ни жил, а без кофе никак нельзя.

Мы бы тоже могли сейчас отправиться пить кофе — собственно, мы и собирались — но вместо этого Тони начинает сворачивать очередную сигарету, а я — зарисовывать пятую по счету клетку. Совершенно невозможно остановиться.

— Что это? — спрашивает Тони. — Очень красиво, но ни черта не понятно.

— Наверное, — говорю я, — это такая книга. Вернее, то, что у них вместо книг. Когда постоянно летаешь над водой, очень здорово, если в ней отражаются всякие интересные штуки. Например, книжки с картинками, которые в такой непростой ситуации лучше сразу писать на облаках. Причем в зеркальном виде. Чтобы отражались уже как надо.

— Ладно, — кивает Тони. Отдает мне сигарету, отбирает мелки и, пока я перевожу дух, быстро-быстро рисует в шестой клетке летающих писателей, старательно покрывающих облака письменами.

— Ага, именно так они и работают, — киваю я.

И принимаюсь за седьмую клетку, а Тони достается восьмая.

Я рисую потоки разноцветного ветра над густой чернотой прибрежных плодовых садов, а Тони корпит над главной площадью, где высажены подводные деревья, настолько высокие, что в их поднявшихся над поверхностью озера ветвях могут отдохнуть усталые летуны.

В девятой клетке я рисую мост, но не между берегами, а между землей и небом. В точности как Старый Лондонский мост, он застроен домами, по крайней мере, на обозримом участке, а что делается выше, за облаками, я не знаю. Куда уж мне.

Тони еще рисует, поэтому сигареты для нас сворачиваю я. Закончив последнюю, десятую клетку, он берет у меня самокрутку и, забыв прикурить, замирает, уставившись в небо. А я озадаченно разглядываю его картинку. Наконец спрашиваю:

— Слушай, а что это?

— Наверное, карта, — улыбается Тони. — Но не города, как у тебя была. А как туда добраться. В смысле отсюда. Ну, если вдруг приспичит. Мало ли что.

— Ого, — говорю я, всматриваясь в рисунок. И повторяю: — Ого.

А что тут еще скажешь.

* * *

Мы сидим прямо на бордюре и курим. Нам, по правде говоря, довольно зябко, потому что наш приятель ветер снова тут как тут. Пока мы рисовали, он отдохнул и теперь готов дуть сколько угодно.

Нам, если по уму, следовало бы оторвать задницы от холодного тротуара и бегом бежать в ближайшую кофейню или сразу домой. Но мы так устали, что пока можем только курить на ледяном солнечном ветру и блаженно улыбаться, глаза на причудливое дело своих рук.

Из соседнего двора выходит девочка лет семи. Рыжая девочка в старом красном пальто, достаточно пухлая, чтобы заслужить во дворе прозвище «бомба» или что-то в таком роде. У девочки коса до пояса, круглые зеленые глаза, упрямый лоб и такой волевой подбородок, что не хотелось бы мне оказаться на месте ее гипотетических обидчиков. В левой руке у девочки серая вязаная шапка, которую она только что сняла с растрепанной своей головы, в правой — круглая плоская белая коробочка, которую вполне можно использовать как биту. На лице у девочки крупными буквами написано несгибаемое намерение немедленно поиграть в классики, которые она сама так старательно чертила перед обедом, чтобы были только ее, чтобы никто не мешал прыгать и не смеялся над промахами.

Увидев наши с Тони рисунки, девочка изумленно замирает. Секунд на пять, не больше. Потом кладет биту на первую клетку, прямо на голову одной из моих рыб. И начинает прыгать.

Девочка прыгает очень аккуратно. Подолгу стоит в каждой клетке, примеряясь к следующему прыжку. Она старается — не то по возможности сохранить картинку, не то просто добиться идеальной точности движений. Ей, похоже, вполне удастся и то и другое.

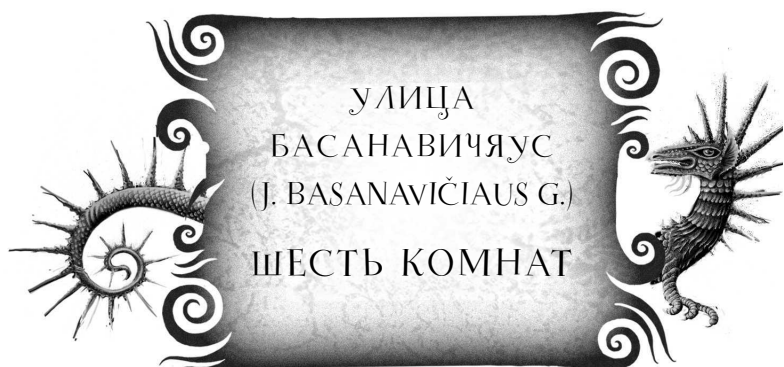
Добравшись до девятой клетки, девочка замирает и внимательно разглядывает десятую. Наконец вместо того, чтобы прыгать, носком цветастого резинового сапога осторожно подталкивает битку к границе между клетками.

Вот битка уже подползла к меловой черте. И потихоньку двинулась дальше. Вот... Черт, да где же она?

Толстая девочка в красном пальто стоит в девятой клетке, на моем мосту между землей и небом. И озадаченно разглядывает десятую, в которой нет ничего, кроме Тониного рисунка. Белая плоская коробочка никак не могла потеряться на его фоне. Тем не менее, ее там нет.

Девочка роняет на землю свою серую шапку. Машинально сует в рот кончик длинной косы. Думает. Садится на корточки, внимательно смотрит на картинку. Осторожно трогает ее рукой. Наконец поднимается и делает шаг вперед.

Мы с Тони глядим на нее как заворуженные.

Шесть отдельных комнат, одна из них угловая, с двумя окнами — на север и на восток. Две — просто на север, три — на юг, одна из южных — с балконом. И ни одного окна на запад, так почему-то получилось.

Не слишком много жилищ успел сменить за сорок с лишним лет; были еще, конечно, гостиницы, десятки почти одинаковых чистеньких спален, но они не в счет. Поэтому — всего шесть комнат.

Не раз спрашивал себя, откуда вообще взялась эта идея. Где-то вычитал? Слышал краем уха? Приснилось? Видел в кино? Наконец вспомнил: да сам же и придумал, давным-давно, когда давал первое в жизни интервью. Ну, строго говоря, второе, но поскольку дал их в тот день чуть ли не дюжину, одно за другим, так и не выпустив из рук чашку с остывшим кофе, за которую держался, как за спасательный круг, можно считать, что все это было одно почти бесконечное первое в жизни интервью. Журналистов интересовало мнение юного автора лучшего архитектурного проекта года